

Федотова Н.Г.*

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ГОРОДА: ОСОБЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ^①

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей эмпирического исследования культурного кода города. Обращение к культурному коду открывает перспективу изучения города как символического пространства, насыщенного образами, ассоциациями и впечатлениями горожан. Исследования культурного кода города как системы смыслов, объединяющей разные знаковые системы города (природу, историю, архитектуру), сферы и уровни их функционирования (мифологический, философский, повседневный) позволяют дешифровать город как целое, выявляя его уникальность. Автор не только определяет направления эмпирического анализа культурного кода города, демонстрирует значимость такого рода исследований посредством изучения глубинных представлений горожан о своем городе, но и рассказывает об опыте проведения эмпирического исследования культурных кодов Великого Новгорода и Санкт-Петербурга. Статья открывает перспективу дальнейших эмпириче-

**Федотова Наталья Геннадьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; fedotova75@mail.ru*

Fedotova Natalia Gennadievna – DSc in Culturology, Professor of the Department of Cultural Studies of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; fedotova75@mail.ru

© Федотова Н.Г., 2026

^①Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation project number 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

ских исследований культурных кодов российских городов, знание о которых представляют собой интеллектуальный ресурс в процессах формирования городской идентичности и позиционирования города во внешней среде.

Ключевые слова: город; культурный код; культурная память города; образ города, городская идентичность

Поступила: 31.07.2025

Принята к печати: 03.09.2025

Для цитирования: Федотова Н.Г. Культурный код города: особенности эмпирического исследования // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 27–43. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.02

Fedotova N.G.

City Cultural Code: Peculiarities of Empirical Research

Abstract. The article is devoted to identifying the peculiarities of the city's cultural code empirical research. The appeal to the cultural code opens up the prospect of exploring the city as a symbolic space, saturated with citizens' images, associations and impressions. Studies of the city's cultural code as a system of city meanings, combining different city's iconic systems (nature, history, architecture), spheres and levels of their functioning (mythological, philosophical, everyday) allows to decipher the city as a whole, revealing its uniqueness. The author not only defines the city cultural code's empirical analysis directions, demonstrates the significance of this kind of research by studying the citizens' deep ideas about the city but also cites the experience of conducting the Veliky Novgorod and St. Petersburg's cultural code empirical study. The article opens up the prospect of the Russian cities' cultural code for further empirical studies, the knowledge of which is an intellectual resource in the processes of forming urban identity and positioning the city in the external environment.

Keywords: cultural code; cultural memory of the city; image of the city, urban identity

Received: 31.07.2025

Accepted: 03.09.2025

For quoting: Fedotova N.G. City Cultural Code: Peculiarities of Empirical Research // Herald of Culturology. – 2026. – No. 1(116). – P. 27–43. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.02

Современный культурологический дискурс в последние годы получил новый вектор развития в связи с актуализацией исследований, связанных с культурным кодом. Понятие «культурный код» сложилось в рамках семиотического и знаково-символического направлений культурологических исследований, которые акцентируют внимание на процессах кодирования и декодирования текстов города. В частности, как полагает Ю.М. Лотман, коды являются инструментами интерпретации и дешифровки текстов культуры «во всем пространстве семиозиса – от социальных, возрастных и прочих жаргонов до моды» [Лотман, 1996, с. 165]. Вместе с тем научный интерес к кодированию реальности характерен и для постструктурализма, где культурный код есть не что иное как открытая система и способ интерпретации окружающей действительности, поскольку именно он позволяет «читателю» понимать и осмысливать тексты с определенной позиции и с учетом культурных особенностей. Как полагает У. Эко, код – это «модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Эко, 2006, с. 83]. В связи с тем, что код связывает знак и значение в процессах коммуникации, его можно интерпретировать как символического посредника между человеком и реальностью, который выполняет задачу передачи смыслов.

По мнению Ж. Бодрийяра, код представляет собой главную категорию семиотики, которая позволяет «упорядочить и редуцировать» [Бодрийяр, 2000, с. 12], или, говоря иначе, использовать определенные знаковые формы для восприятия и познания информации. Поэтому именно культурный код на основе системы смыслов упорядочивает и обеспечивает понимание человеком разнообразных текстов в едином контексте.

Важным аспектом культурного кода как концепта является его тесная связь с культурой, что выражено в самом понятии и, в частности, слове «культурный», отсылающем к процессам сохранения и трансляции культурных ценностей, норм, традиций. Поэтому нередко исследователи подчеркивают, что важными элементами культурного кода как упорядоченного множества «взаимосвязанных между собой стандартов, ограничений, предписаний и установок по отношению к разным видам деятельности» [Аванесова, Купцова, 2008, с. 41] являются те «образы и представления», которые формируются постепенно в рамках многообразных сфер жизни людей [Савицкий, 2019, с. 69]. Соответственно, культурный код можно сравнить с ментально устойчивым и культурно обусловленным фреймом в виде об-

разов, символов, концептов, который задает векторы для осмысления, категоризации, оценки, понимания реальности.

Чаще всего исследователи изучают культурный код в контексте национальный культуры и межкультурной коммуникации, и это объясняется, в частности, выраженным характером данного типа культуры, основанном на имеющемся мощном слое коллективной памяти и национальной идентичности. В данном аспекте культурный код есть не что иное, как «устоявшаяся форма осмысления культурной реальности и исходящие из этого понимания сценарии поведения и речения, принятого в том или ином обществе» [Алексеев-Апраксин, Гэн Бяо, 2021, с. 58], а его отсутствие делает знаки недоступными для понимания или искажает понимание. Вместе с тем культурный код, исходя из данной позиции, представляет собой двустороннюю сущность, аккумулирующую «два базовых процессуальных компонента: трансляцию и интерпретацию культурной информации» [Батыршин, 2024 с. 51].

В рамках культурологии понятие «культурный код» понимается значительно шире и может интерпретироваться как система смыслов, несущая с помощью символических средств комплексную информацию о той или иной культуре (культурный код массового и элитарного, культурный код этноса), которая может раскрываться через самые различные культурные практики и сферы деятельности. В частности, мы можем рассматривать театр как особый культурный код «для современного русского языка, культуры и языкового сознания» [Ефремов, 2019, с. 401] или сказку как культурный код, «который несет в себе универсальные для характеристики ментальности и специфически национальные черты» [Злотникова, Жукова, 2019, с. 165].

Исходя из этого, мы считаем, что концепт «культурный код» является весьма эвристичным и для таких направлений исследований в гуманитарной науке, которые связаны с исследованием города и его культуры.

Исследования города через образы, символы и ментальные среды проводились не только зарубежными учеными [Lynch, 1960; Soja, 2003], но и российскими. В частности, В.Н. Топоров считал, что город следует изучать с «помощью интуитивного постижения целого или путем вживания в усваиваемые ... образы...» [Топоров, 2003, с. 7]. Или, как пишет Н.П. Анциферов, город следует осмыслять не в частях или «фрагментах, как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности...» [Анциферов, 1991, с. 2]. Возвращаясь к семиотической методологии, отметим, что она является весьма востребованной среди современных исследователей и предполагает дешифровку города как целого. Согласно Ю.М. Лотману, город – это

«котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, 2000, с. 325].

Поскольку культурный код является системой смыслов, которая через символические средства хранит и транслирует общую информацию о том или ином месте, сообществе и культуре, а его дешифровка представляется способом познания этой реальности, то культурный код города, соответственно, структурируется вокруг города как особого социокультурного феномена. Культурный код города формируется постепенно, он образуется посредством сохранения или актуализации образов прошедших эпох, в результате их репрезентации в городской топонимике, памятниках, череде событий. Символические средства, через которые мы читаем и познаем города, многообразны и включают те знаковые системы, с помощью которых происходит репрезентация их уникальности, в частности, архитектурный облик, который нередко становился объектом исследования в семиотике города.

Таким образом, культурный код города – это относительно устойчивая система смыслов в виде образов, концептов, символов, объединяющая разные знаковые системы города (природу, историю, архитектуру), позволяющая осмыслять, дешифровывать город как целое, понимать его уникальность и отличие от других городов. Между тем данное определение является предварительным, поскольку подобная массивная конструкция смыслов, которые образуют культурный код города, предполагает и иные аспекты ее структурирования, включает различные культурные практики, с помощью которых он генерируется и проявляется. В частности, дешифровка культурного кода города предполагает наличие разных уровней функционирования этих смыслов – от мифологического до экспертного и повседневного. Кроме того, культурный код города можно представить как неструктурированную матрицу смыслов, которая упорядочивается с помощью концепта культурной памяти, когда определенные пласты воспоминаний, зафиксированные в исторических нарративах и местах памяти города, накладывают свой отпечаток на его общее восприятие. Однако в данной работе акцент будет сделан лишь на одном направлении исследований культурного кода города, который положен в основу данного определения и предполагает наличие определенной структуры смыслов, выявленной в ряде исследований отечественных авторов.

Выявление смысловой структуры культурного кода города происходит с целью его изучения, то есть осуществления дешифровки этого кода посредством выявления относительно устойчивой системы смыслов города в виде образов, концептов, символов, позволяю-

щей осмыслять город как целое, понимать его уникальность и отличие от других городов.

В современных научных работах представлены различные аспекты исследований культурного кода города, включая его природные [Вьюгина, Авдониная, 2021] или пространственные характеристики [Камалова, 2021; Булыгина, 2017]. При этом в исследовательский фокус попадают и те факторы, которые оказывают влияние на формирование культурного кода города, в частности, геополитическое положение города, его международные связи [Мусалитина, 2023] и культурные практики, например, открытие музейных центров или мемориальных комплексов [Зыкова, 2024]. Такие исследования можно назвать эпизодичными и малочисленными, что объясняется новизной данного вектора гуманитарного дискурса. Тем не менее, они создают теоретический каркас для выявления структуры смыслов культурного кода города, которая может стать основой для проведения эмпирических исследований в этой области.

Ранее нами была предпринята попытка обобщить исследования в рамках выявления структуры культурного кода города, и представлен один из возможных вариантов концептуализации процесса структурирования смыслов, которые участвуют в кодировании города, куда вошли, в частности, такие смысловые блоки, как природно-климатические факторы, пространственные аспекты города, гении места, исторические события и художественные практики [Федотова 2022]. В связи с этим данная структура смыслов культурного кода города будет взята нами за основу в данной работе.

Между тем теоретические исследования культурного кода города являются лишь первичным звеном в его познании, особенно применительно к каждому конкретному городу. Комплексное изучение культурного кода отдельного города позволяет ученым раскрывать единую смысловую структуру, выявлять доминирующие образы, которые воздействуют на процессы его осмысления как целого со стороны человека. В этом случае акценты исследователя смещаются от изучения отдельных вопросов его функционирования в целостный контекст общих смыслов и структуру взаимосвязанных образов, с помощью которых он воспринимается и переживается на коллективном уровне.

Согласимся со специалистами, которые считают, что при изучении города особое место занимают такие исследования, которые направлены на познание процесса «восприятия городского пространства самими горожанами» [Борисова, 2019, с. 26], что актуализирует эмпирический анализ культурного кода города путем выявления глубинных смыслов,

с помощью которых город представляется теми, кто в нем проживает. В этом случае исследования культурного кода города могут проводиться не только на фундаментальном уровне, но и посредством эмпирического анализа мнений, представлений, ассоциаций горожан, которые, так или иначе, связаны с процессами функционирования культурного кода города. При этом следует учитывать, что культурный код «это не то, что проговаривается или четко осознается, а то, что скрыто от понимания», но может проявляться [Тарбаева, 2022, с. 113]. Иными словами, культурный код города не лежит на поверхности мнений, а скрыт в глубине коллективных представлений и ценностных установках горожан, культурных смыслах, несущих для человека символическую информацию о городе, составляющих основу культурной памяти города и городской идентичности. Иными словами, культурный код имеет ментальную природу, он структурирован многочисленными образами, с помощью которых город воображается и осмысливается.

И в рамках семиотики также существует устойчивая позиция о том, что культурный код города генерируется теми, кто является его носителем, то есть человеком, поскольку только он способен наделить смыслом окружающее пространство и декодировать заложенные смыслы. По мнению Р. Барта, каждому жителю «следует попытаться расшифровать город», в котором он находится, «начав с поиска личного взаимопонимания» [Barthes, 1997, p. 171]. В связи с этим, главным инструментом «выявления культурного кода города является интерпретация тех представлений о городе, которые имеют его жители» [Спешилова, Аванесов, 2023, с. 233].

Отметим отсутствие устоявшихся методологических стратегий эмпирических исследований культурного кода города, раскрывающих алгоритмы и способы определения тех актуальных и/или латентных смыслов, с помощью которых структурируются процессы комплексного восприятия города со стороны человека. Такого рода исследования помогут понять – с помощью, каких образов горожане осмысливают и воспринимают город, выявлять семантически насыщенные для горожан элементы города и городской среды, ассоциации, связанные с городом в целом, уникальные места и события, которые являются ценными для жителей города, символизируют город, отражают его стиль и характер. И полученное таким образом знание может стать важнейшим интеллектуальным ресурсом не только в процессах укрепления городской идентичности, но и в контексте разработки современных стратегий развития города.

Исходя из этого эмпирическое исследование культурного кода города может осуществляться на разных уровнях и с помощью разных методик, каждая из которых дает свои результаты. Среди таких, в частности:

а) структурированное интервьюирование горожан как основных носителей коллективных представлений о своем городе, которые на ментальном уровне хранят и транслируют культурный код города в разнообразных городских практиках;

б) качественный опрос стейкхолдеров или экспертный опрос, который может проводиться, в том числе путем глубинного интервьюирования респондентов, являющихся носителями непосредственного знания о городе, часто связанного с профессиональной сферой интересов, которая касается тех или иных аспектов культурного кода города (со стороны науки, искусства, медиа, церкви, власти и так далее);

в) дискурсивный анализ городских текстов, которые непосредственно связаны с процессами трансляции и репрезентации культурного кода города.

В рамках данной работы рассмотрим опыт проведения эмпирического исследования на основе структурированного интервьюирования горожан с целью выявления доминирующих образов, с помощью которых происходит осмысление города как целого. Методика интервью была выбрана нами с целью получения качественной первичной информации от горожан, которая бы включала определение контекстов, сопряженных с мнением респондентов. Тогда как разработанная структура интервью предполагает возможность проведения сравнений и корреляций в ответах респондентов как одного города, так и разных.

Эмпирическое исследование было нами проведено в 2024 году в Великом Новгороде и Санкт-Петербурге. Выбор данных городов обусловлен, во-первых, выраженной фактурой культурного наследия двух городов, что позволило работать с большим количеством аутентичных смыслов и богатым материалом уникальных образов. Во-вторых, с целью выявления корреляций между спецификой города и его культурным кодом в выборку попали два разных по количеству жителей города одного Северо-Западного региона: а) город-миллионник (Санкт-Петербург) и б) большой город с населением до 250 тысяч человек (Великий Новгород).

В исследовании приняли участие, соответственно, 52 жителя Великого Новгорода и 50 жителей Санкт-Петербурга с квотой по

возрасту, времени проживания в городе, полу, сфере занятости. В качестве респондентов выступили мужчины и женщины с небольшим перевесом последних (более 60 % респондентов женского пола), половина из которых являются коренными новгородцами и петербуржцами (более 40 % проживают свыше 10 лет и более 30 % проживают всю жизнь в городе). В выборку респондентов попали, прежде всего, люди среднего и старшего среднего возраста от 35 до 60 лет, однако, весомый блок интервьюеров составила молодежь (в Великом Новгороде – 29 %, в Санкт-Петербурге – 46 %) и представители серебряного возраста (27 % в Великом Новгороде и 19 % в Санкт-Петербурге). Сфера занятости респондентов включает в себя науку и образование, культуру, здравоохранение, промышленность и производство, экономику и финансы; чуть меньше представителей архитектуры и дизайна, пенсионеров и тех, кто занят в других сферах деятельности.

Структура чек-листа для интервью была разработана нами, в-первых, с учетом структуры тех смыслов, которые «задают кодирование городской реальности» [Федотова, 2022, с. 10] и составляют концептуальную основу культурного кода города. Соответственно первый блок вопросов был направлен на выявление тех структурных элементов культурного кода, которые мы обосновали ранее не теоретическом этапе исследования культурного кода города (природные характеристики, известные личности, пространственные аспекты и пр.). Во-вторых, вопросы других четырех блоков позволили расширить поле исследования смыслов, вокруг которых структурируется культурный код города. С одной стороны, в перечень вопросов для интервьюирования горожан были включены такие из них, которые позволили определить ключевые образы и отличительные символы города. Данный шаг обосновывается тем, что вопросы первого блока характеризуются определенной направленностью и предусматривают конкретную область смыслов, тогда как культурный код города может включать в себя (или не включать) общие смыслы, непривязанные напрямую к выявленным нами структурным элементам кода. С другой стороны, культурный код города во многом зависит, как было сказано ранее, от тех образов прошлого, которые составляют культурную память города, что обусловило включение в чек-лист интервью вопросов, связанных с памятью. Наконец, ряд вопросов направлен на то, чтобы раскрыть идентификационные маркеры культурного кода города, что позволило выявить корреляции исследуемого феномена с городской идентичностью.

В результате нами был разработан чек-лист интервью из 18 открытых вопросов, которые относятся к пяти блокам:

– структурные элементы кода (примеры формулировок вопросов: «Какие наиболее известные личности и персонажи ассоциируются у вас с Санкт-Петербургом? Какова их ценность для Вас, и чем именно они известны?»);

– ключевые образы города (примеры формулировок вопросов: «Как бы Вы охарактеризовали Великий Новгород одной фразой и почему?»; «Какие ассоциации, эмоции и образы вызывает у Вас выражение «Санкт-Петербург»? Как Вы можете это объяснить?»);

– символы города (примеры формулировок вопросов: «Как Вы считаете, что должно являться символом Великого Новгорода? Почему?» «Какие места в городе, по вашему мнению, являются самыми значимыми и символизируют дух Великого Новгорода в наибольшей степени, отражают его характер?»);

– память города (примеры формулировок вопросов: «Какие образы или факты прошлого являются самыми яркими в истории Санкт-Петербурга? Достаточно ли они отражены в городской среде?»);

– идентичность (примеры формулировок вопросов: «Как вы думаете, есть ли у новгородцев какие-либо примечательные свойства или особенности поведения, отличающие их от жителей других городов?»; «Какие события, места, достижения Санкт-Петербурга вызывают у вас чувство гордости за город?»).

Обработка первичной информации, собранной у респондентов в результате структурированного интервьюирования, может проводиться по-разному, в зависимости от методик анализа полученных данных и целей исследования: от комплексного результата и выявления общих контуров культурного города при опоре на анализ мнений горожан до получения срезов по конкретному аспекту культурного кода. В частности, полученный нами массив данных является эмпирической основой для выявления ценности тех или иных образов в структуре культурного кода города, например, образов советского прошлого. Следовательно, мы можем ответить на следующие вопросы: представлены ли образы советского прошлого в культурном коде города? Какова их ценность по сравнению с другими эпохами? С помощью, каких практик, событий, фактов, мест памяти происходит осмысление и формируется значимость этих образов?

С целью получения количественных и качественных результатов исследования массив полученных данных подвергался контент-

анализу. Кроме того, методика контент-анализа эмпирических материалов включала в себя следующие шаги:

- а) кластеризации и типологизации обнаруженных смыслов и выявления ценностных, установок, убеждений горожан по отношению к тем или иным образам и практикам (качественный анализ);
- б) выявления доминирующих, наиболее значимых смыслов культурного кода города через слова-маркеры (количественный анализ) с помощью определения количества упоминаний ключевых семантических групп слов.

В качестве иллюстрации воспользуемся результатами проведенного нами эмпирического исследования культурного кода Великого Новгорода и Санкт-Петербурга на основе интервьюирования горожан и рассмотрим варианты обработки полученных данных.

Во-первых, одним из структурных элементов культурного кода является так называемый «гений места», который интегрирует в себе смыслы прошлого, связанные с наиболее значимой для города известной личностью, и актуализирует их в настоящем за счет ценности его жизни, деятельности, достижений. В чек-лист интервьюера были включен прямой вопрос об известных личностях, которые непосредственно ассоциируются с городом и духовно связаны с ним. Как показало исследование, выявление такой личности как гения места на основе представлений горожан существенно отличается в изучаемых нами городах.

Так, в Санкт-Петербурге подтвердилась гипотеза о наличии явного гения места, поскольку имя Петра I было упомянуто подавляющим большинством респондентов в вопросе о значимых личностях города. Более того, упоминания о Петре I было в других ответах, посвященных выявлению культурного кода города. В частности, на основателя города петербуржцы указывали в вопросах, которые раскрывали ключевые символы Санкт-Петербурга, а также о значимых событиях прошлого и об образах, которых хранят дух и характер города. Также заметим, что в Санкт-Петербурге нами выявлены три наиболее значимых для горожан слоя культурной памяти города, один из которых непосредственно связан с Петром I и с основанием города (*«Петербург был основан Петром Первым, это начало империи, начало флота и влияния на море»* - цитата респондента). Основным символом Санкт-Петербурга, как свидетельствуют результаты интервьюирования петербуржцев, по количеству упоминаний в ответах, является Медный всадник, который также символизирует его основателя – Петра I. К символам города респонденты также отнесли

Петропавловскую крепость и Корабль, которые непосредственно связаны с деятельностью Петра I. Вместе с тем некоторые горожане также отметили и других известных личностей, связанных с Санкт-Петербургом, питающих город своей славой. Среди них, в частности, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Екатерина II.

В Великом Новгороде, как показало эмпирическое исследование культурного кода города посредством интервьюирования горожан, одного гения места, который бы отличался особой значимостью и духовной ценностью для города, скорее нет. Однако в городе есть определенный «пантеон героев», то есть несколько известных и наиболее значимых для горожан личностей, связанных так или иначе с Великим Новгородом, образы которых входят в структуру культурного кода города.

Наибольшее количество упоминаний на вопрос о значимых для города и для горожан личностях связано с Александром Невским: около трети респондентов отметило его как фигуру, с которой духовно связан город. Об Александре Невском упоминали новгородцы, в частности, в контексте его военных побед (*«Александр Невский и его победы над шведами и немецкими рыцарями»* – цитата респондента), а также в ответах на вопрос о символах города и о том, с чем ассоциируется у горожан выражение «Великий Новгород». Александра Невского и Ледовое побоище отметили новгородцы и в вопросе о том, какие события прошлого являются самыми важными и яркими для современных новгородцев. Наконец, Александр Невский вызывает чувство гордости у респондентов за город наряду с иными известными личностями Великого Новгорода (*«горжусь тем, что наша земля связана с именами Рахманинова, Достоевского, Державина, Александра Невского, Рюрика, Щусева»*, – цитата респондента).

Похожей является ситуация и с ответами респондентов в Великом Новгороде относительно Ярослава Мудрого, Садко и Рюрика, образы которых также являются частью культурного кода Великого Новгорода, исходя из результатов проведенного нами эмпирического исследования. Ярослава Мудрого упоминали в своих ответах новгородцы в прямом вопросе об известных личностях (около четверти всех опрошенных), о ключевых событиях, которые хранит память города, о том, чем известен и чем уникален Великий Новгород, а также о том, какие ассоциации, эмоции и образы вызывает выражение «Великий Новгород». Садко упоминали новгородцы, помимо ответов на прямой вопрос об известных личностях Великого Новгорода, в ответах на вопросы о культурных практиках и событиях,

символических для города (в массиве ответов есть несколько упоминаний о Международном фестивале народного искусства и ремесел «Садко»), которые знают и ценят горожане, о значимых для современников образах городского прошлого («*Купец Садко*», «*Садко и ладья*» – цитаты респондентов). В одном из ответов, которые предполагали дополнительные вопросы, связанные с мемориализацией известных личностей Великого Новгорода, один из респондентов указал, что образ Садко раскрыт очень слабо в городской среде и требуются современные способы повышения его ценности у горожан. На Рюрика указывали респонденты, кроме всего прочего, в контексте известности и уникальности Великого Новгорода («*Известен призыванием Рюрика, призыванием варягов*» – цитата респондента), а также в контексте усиливающихся в последнее время ассоциаций и образов, которые связаны с Рюриковым городищем, известным как место, где стал править первый князь Руси («*самые главные и первые образы, всплывающие в мыслях – это Рюриково Городище (начало начал)*», – цитата респондента), а также как места, которое хранит память основания города и российского государства («*зарождение российской государственности – призывание Рюрика*»). Наконец, Рюрик так же, как и иные известные личности Новгородской земли, является гордостью новгородцев. Вместе с тем респонденты несколько реже, но упоминали также неоднократно и такие имена, как Сергей Рахманинов, Марфа Посадница, Мальчик Онфим, Валентин Янин, Артемий Арциховский, с которыми символически связан Великий Новгород в контексте самых разных аспектов.

Во-вторых, если проанализировать весь контент открытых ответов респондентов из двух городов, то у исследователя имеется возможность выявить образ, символ, концепт, наполненные конкретным смысловым содержанием. И весьма показательны в данном случае разный уровень значимости того или иного аспекта культурного кода города. В частности, определенную актуальность для нас представляет и то, как гастрономические смыслы включены в культурный код города, поскольку именно особенности культуры приготовления и потребления пищи сегодня нередко лежат не только в основе городской идентичности, но и в основе брендинга города в рамках развития культурного и познавательного туризма. Для полноценного исследования гастрономического кода города требуются такие же комплексные исследования, о которых речь шла выше, однако выявить насколько сформированным он является у горожан и какова его значимость в структуре культурного кода в целом позво-

лит и анализ полученных нами данных в результате проведенного интервьюирования.

Респондентам не задавался отдельный вопрос о гастрономическом коде города. Но новгородцы и петербуржцы могли отразить в своих ответах все смыслы, которые основаны на уникальности, самобытности города, которые влияют на его ценность для современных горожан, включая и те, которые связаны с гастрономией. Как показали результаты, в ответах жителей Великого Новгорода не было упоминаний образов, символов, концептов, которые образованы гастрономической культурой города и его кулинарными традициями. Тогда как жители Санкт-Петербурга не только упоминали такие традиции и блюда, но и контекстно указывали на символическую связь их с городом, его историей и культурой. В частности, в ответах на вопрос об известных личностях и персонажах Санкт-Петербурга содержалось указание на рыбу корюшку, которая также была названа респондентами одним из символов города. Действительно, апелляция к корюшке присутствует сегодня во многих культурных практиках Санкт-Петербурга (фестиваль, туристические маршруты), и это позволяет предположить, что данная рыбка, известная петербуржцам еще со времен Петра I, может быть частью культурного кода этого города. В ответах на вопрос о наиболее известных ассоциациях, связанных с Санкт-Петербургом, встретились ответы респондентов, которые упомянули ленинградский рассольник – широко распространенное в питерских трактирах в дореволюционное время блюдо, которое приобрело особую популярность в советское время. Наконец, как показал опрос респондентов, наибольший вес в культурном коде Санкт-Петербурга имеют такие гастрономические образы, которые связаны с петербургскими пышками и культурой потребления кофе. В частности, в ответах интервьюируемых, Санкт-Петербург изредка ассоциируется с пышками и кофе (*«чашка кофе и пышка»* – цитата респондента), причем именно пышки являются одним из гастрономических брендов города, что и отразилось в проведенном нами эмпирическом исследовании. Следует предположить, что образы «пышечного» в Санкт-Петербурге, как указал один из респондентов, являются отнюдь неслучайными в культурном коде, что тесно связано с природными и пространственными характеристиками города – холодный климат, гранитные набережные, дожди и сырость. Санкт-Петербург сегодня, если говорить на языке гастрономических традиций, – запах кофе и вкус пышек (*«сядьте у окна в кофейне и, глядя на холодные питерские улицы, свинцовые тучи, неспешно*

наслаждайтесь мягким вкусом пышек, вдыхая кофейный аромат теплоты и уюта», – цитата респондента).

Таким образом, у исследователя имеется несколько вариантов анализа и интерпретации того массива данных, который может быть получен при изучении культурного кода города путем интервьюирования горожан. Такого рода исследования составляют скорее один из необходимых, но не единственных эмпирических срезов, которые требуются для получения комплексной информации о культурном коде того или иного города: от дискурсивных практик анализа текстов, хранящих ключевые образы, символы, концепты города, до изучения городской семантики.

Список литературы

Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально-гуманитарные знания. 2008. – №1. – С. 30–43.

Алексеев-Апраксин А.М., Гэн Бяо Культурные коды китайского этоса // Asiatica: труды по философии и культурам востока. 2021. – №2 (15). – С. 52–65.

Анциферов Н.П. «Непостижимый город...»: Сборник. – Ленинград : Лениздат, 1991. – 336 с.

Батыршин Р.И. К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы // Вестник культуры и искусств. 2024. – № 1 (77). – С. 46–54.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва : Добросвет, 2000. – 387 с.

Борисова О.А. Город в восприятии горожан: от старого до старинного // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 24–29.

Булыгина Т.А. Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое / The New Past. 2017. – № 3. – С. 82–95.

Вьюгина А.А., Авдонина А.М. Место природной составляющей в культурном коде территории // Ученые записки. 2021. – №4 (40). – С. 6–9.

Ефремов В. Театр как культурный код русского языка // Обучение иностранным языкам. 2019. – № 4 (46). – С. 401–408.

Злотникова Т.С., Жукова В.С. Ментальный и художественный аспекты авторской сказки как культурного кода // Ярославский педагогический вестник. 2019. – № 5. – С. 160–165. – URL: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10536>.

Зыкова Т.В. Национальный центр В.П. Астафьева в овсянке – новый культурный код региона // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. – № 10–2 (97). – С. 11–14. – URL: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-2-11-14>.

Камалова К.В. Вертикальный город. Ретроспектива и современный этап развития многоярусной структуры городского пространства // Academia. Архитектура и строительство. 2021. – №1. – С. 102–109. – URL: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-1-102-109/>

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

- Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
- Мусалитина Е.А. Влияние российско-китайского взаимодействия на формирование культурного кода урбанистического пространства Хабаровского края // Ученые записки Комсомольского-на-амуре государственного технического университета. 2023. – № 6(70). – С. 18–25.
- Савицкий В.М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в процессе общения // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. – Т. 1. – № 4. – С. 69–77.
- Спешилова Е.И., Аванесов С.С. Визуальная структура городской среды и концепт культурного кода // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2023. – № 4 (38). – С. 221–238. – URL: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-67-39-46>
- Тарбаева В.М. Санкт-Петербург – Архангельск: от моря до моря. Сохранение культурного кода // АРКТИКА 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. – № 3 (11). – С. 112–128.
- Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы : Избр. труды. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2003. – 612 с.
- Федотова Н.Г. Культурный код города // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 10–24. – URL: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-1>
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. – 544 с.
- Barthes R. Semiology and the Urban // *Rethinking Architecture* / Ed. by N. Leach. – London ; New York : Routledge, 1997. – P. 166–172.
- Lynch K. *The Image of the City*. – Cambridge : The MIT Press. – 1960. – 194 p.
- Soja E. *Writing the City Spatially* // *City*. 2003. – Vol. 7. No 3. – P. 269–280.

References

- Alexseev-Apraksin, A.M., Geng Biao. Kul'turnye kody kitajskogo etnosa [Cultural Codes of Chinese Ethos]. In *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam vostoka [Asiatica: Works on Philosophy and Eastern Cultures]*, no. 2 (15), 2021, pp. 52–65. (In Russ.)
- Antsiferov, N.P. “Nepostizhimyi gorod...”: sbornik. [“Incomprehensible City...”: a Collection]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991. 336 p. (In Russ.)
- Avanesova, G.A., Kuptsova, I.A., Kody kul'tury: sushhnost' i naznachenie [Culture Codes: Essence and Purpose]. In *Social'ne-gumanitarnye znaniya*, no. 3 (1), 2008, pp. 30–43. (In Russ.)
- Barthes, R. Semiology and the Urban. In *Rethinking Architecture*. Ed. by N. Leach. London; New York, Routledge Publ., 1997, pp. 166–172.
- Baudrillard, J., *Simvolicheskii obmen i smert' [Symbolic Exchange and Death]*. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 387 p. (In Russ.)
- Borisova, O.A. Gorod v vospriyatii gorozhan: ot starogo do starinnogo [City in the Perception of Citizens: from the Old to the Ancient]. In *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, no. 3 (1), 2019, pp. 24–29. (In Russ.)
- Bulygina, T.A. Gorod i ego prostranstvo: popytka istoricheskogo izmereniya [City and Its Space: Attempt Historical Dimension]. In *Novoe proshloe [The New Past]*, no. 3, 2017, pp. 82–95. (In Russ.)
- Eco, U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [Missing Structure. Introduction to Semiology]*. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2004. 544 p. (In Russ.)

Efremov, V. Teatr kak kul'turnyj kod russkogo yazyka [Theater as a Cultural Code of the Russian Language]. In *Obuchenie inostrannym yazykam*, no. 4 (46), 2019, pp. 401–408. (In Russ.)

Fedotova, N.G. Kul'turny'j kod goroda [Cultural Code of the City]. In *Slovo.ru: baltiiskij accent*, no. 13 (4), 2022, pp. 10–24. URL: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-1>. (In Russ.)

Kamalova, K.V. Vertikal'ny'j gorod. Retrospektiva i sovremennyy'j e'tap razvitiya mnogoyarusnoj struktury` gorodskogo prostranstva [Vertical City. Retrospective and Current Stage of Development of the Multi-Tiered Structure of Urban Space]. In *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, no. 1, 2021, pp. 102–109. URL: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-1-102-109>. (In Russ.)

Lynch, K. *The Image of the City*. Cambridge, The MIT Press. 1960. 194 p.

Lotman, Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]*. Moscow, Yazy'ki russkoj kul'tury` Publ., 1996, 464 p. (In Russ.)

Lotman, Yu.M. *Semiosfera [The Semiosphere]*. Saint Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2000. 453 p. (In Russ.)

Musalitina, E.A. Vliyanie rossijsko-kitajskogo vzaimodejstviya na formirovanie kul'turnogo koda urbanisticheskogo prostranstva Xabarovskogo kraja [The Influence of Russian-Chinese Interaction on the Formation of the Cultural Code of the Urban Space of the Khabarovsk Territory]. In *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-amure gosudarstvenno-technicheskogo universiteta*, no. 6 (70), 2023, pp. 18–25. (In Russ.)

Savitsky, V.M. Kul'turnye kody: sushhnost', sostav i funkcionirovanie v processe obshheniya [Cultural Codes: Essence, Structure and Functioning in The Process of Communication]. In *Diskurs professional'noi kommunikatsii*, no. 1 (4), 2019, pp. 69–77. (In Russ.)

Soja, E. Writing the City Spatially. In *City*. Vol. 7, no 3, 2003, pp. 269–280.

Speshilova, E.I., Avanesov, S.S. Vizual'naya struktura gorodskoj sredy` i koncept kul'turnogo koda [Visual Structure of the Urban Environment and the Cultural Code Concept]. In *PAEHMA. Problemy vizual'noj semiotiki*, no. 4 (38), 2023, pp. 221–238. URL: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-67-39-46> (In Russ.)

Tarbaeva, V.M. Sankt-Peterburg – Arkhangel'sk: ot morya do morya. Sokhranenie kul'turnogo koda [Saint Petersburg – Arkhangelsk: from Sea to Sea. Conservation of Cultural Code]. In *ARKTIKA 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*, no. 3(11), 2022, pp. 112–128. (In Russ.)

Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury [The St. Petersburg Text of Russian Literature. Selected Works]*. Saint Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2003, 612 p. (In Russ.)

Vyugina, A.A., Avdonina, A.M. Mesto prirodnoj sostavlyayushhej v kul'turnom kode territorii [Role of the Natural Components in the Cultural Code of the Territory]. In *Uchenye zapiski*, no. 4(40), 2021, pp. 6–9. (In Russ.)

Zlotnikova, T.S., Zhukova, V.S. Mental'ny'j i khudozhestvenny'j aspekty` avtorskoj skazki kak kul'turnogo koda [Mental and Artistic Aspects of the Author's Fairy Tale as a Cultural Code]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 5, 2019, pp. 160–165. URL: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10536>. (In Russ.)

Zykova, T.V. The V.P. Nacional'nyj centr V.P. Astaf'eva v ovsyanke – novyj kul'turnyj kod regiona [Astafiev National Center in Ovsyanka – a New Cultural Code of the Region]. In *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 10–2 (97), 2024, pp. 11–14. URL: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-2-11-14>. (In Russ.)